

В научном познании неизбежно, что в абстрагируемом конструкте, введенном в свою очередь из безупречного конструкта, сила научного обобщения не возрастает, а ослабевает. Так получилось с введенным «Грамматикой-70» понятие структурной схемы предложения.

Оценивая понятие «структурной схемы», следует различать две стороны: оно рождено плодотворным стремлением и осознанной потребностью представить на уровне грамматической абстракции модели русского предложения в их предикативном минимуме. Но критерии квалификации предложений опирались на ненадежный фундамент системы членов предложения со всеми ее неразрешенными противоречиями. Перечень структурных схем оказался однолинейной регистрацией «морфологических слепков»¹² с «главных членов» предложения, не дающей оснований ни для представления моделей в их системном соотношении, в их иерархии (в одном ряду стоят и основные модели *Дети учатся, Отец учитель, День пасмурный, Отец дома, Народу прибывает* и образчики их экспрессивно-речевых модификаций *Клевета — страшно, Щетка — чтобы чистить платье, Управы на него никакой, Ох эти мне бракоделы! Ай да мед! Хватит болтать!* и др.), ни для разграничения обязательных и факультативных компонентов моделей.

Сковывающая традиция морфологизма помешала увидеть в языковой реальности структурную роль неноминативного первого главного члена, тех словоформ, которые именуются внутренне противоречивыми терминами «обязательных распространителей» структурной схемы предложения, «субъектных детерминантов» и под. Выводить подобные «субъектные детерминанты» за пределы предикативного минимума — значит отрывать предикативный признак от его носителя, заставлять этот признак повиснуть в воздухе, значит лишить предложение того типового значения, для выражения которого оно образовано. Принцип классификации, который не позволяет выявить различие между необходимыми компонентами предикативного минимума и его распространителями, нельзя признать достаточно действенным. Только восприятием материала через категорию дополнения, нивелирующую различие между косвенными падежами, можно объяснить объединение всех косвенных падежей под общим символом $N_2...$ (см. схемы $N_1 - Adv (N_2...)$ и $Inf - Adv (N_2...)$). Такая обобщенная символика лишает схему даже существующей и существенной морфологической определенности: нет такой формы «косвенный падеж» ни в морфологии, ни в синтаксисе, и в той или иной модели предложения может участвовать не любой или безразлично какой косвенный падеж (а уровень абстрактной схемы предполагает нерелевантность тех различий, что остались за порогом обобщения), а только определенный. Вопреки и семантике, и морфологии, и синтаксису под знаком схемы $N_1 - N_1$ объединены разные модели предложений с субстантивным, адъективным и причастным сказуемым: *Ученье — главная задача, Девочка умна, Боец ранен*. Схема в таком виде не обобщает, а затемняет существенное.

В результате «Грамматика-70», синтаксический раздел которой содержал много импульсов к развитию исследований, вместе с тем способствовала созданию искусственного «уровня» иллюзорных синтаксических единиц — «структурных схем». В силу авторитетности издания в сознании многих лингвистов произошла своеобразная аберрация, замещение реального объекта сконструированным объектом, по существу — подмена одной знаковой системы, какой является язык по отношению к внеязыковому содержанию, другой знаковой системой, какой становится уровень структурных схем по отношению к реальным типам предложений, без поправок на расхождение между той и другой системами. Как следствие, усилия многих специалистов оказались направленными не на изучение свойств реального объекта, а на разыскание «свойств» структурной схемы, как

¹² См. Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978, с. 88.